

Е. Лансере. Императрица Елизавета
Петровна в Царском Селе.
(Третьяковская галерея).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Киевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на Д.,
Екатеринославъ, Баку, Рига, Екатеринбургъ, Енисейскъ, Новороссиискъ, Троицкъ.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 21.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

1 НОЯБРЯ 1914 г.
ПЕТРОГРАДЪ.

ОЧКИНО.

(Издание Е. А. Суворенко).

Собств. фототип. „С.-в. Уст“.

Общий видъ усадьбы отъ павильона
 („приставы“), стоящаго на берегу Десны.
 Сѣлка находится еще однакъ такой же
 павильонъ, какъ и видный на снимкѣ.

Часть портретной галлерей—русских императоров дома Романовых. Полное собрание таких портретов (копий) имеется теперь в России всего в нескольких экземплярах. Прежде такая собрания были довольно распространены.

Собственные фотографии „С. и У.“

ОЧКИНО.

(Им. Е. А. Судёнкин).

Новгород-Сверского уезда Черниговской губернии.

Большая часть усадебных построек России возведена была в Александровское время, послѣ 1812 года, (Им. Е. А. Судёнкин).

и отличается типично выраженнымъ обликомъ: классической стиль фасадовъ, портики, фронтоны, купола въ различныхъ сочетаніяхъ украшаютъ сотни то величественныхъ и холодныхъ, то скромныхъ и уютныхъ павильоновъ, помѣстій. Положительно общепринятымъ стало поводить дома только въ этомъ характерѣ. Здѣсь было что-то неизбежное.

Немного помѣщеній постройки возведено было раньше этого времени. Еще меньшее количество изъ нихъ уцѣлѣло до сихъ поръ. Нѣкоторыя и изъ нихъ (конца Екатерининскаго времени) являются уже предвѣстниками столь распространеннаго позже „ампира“: онѣ построены были въ стилѣ „высокаго“ классицизма (напр. дворецъ въ Хотѣнѣ, Харьковской губерніи, и мн. др.).

Такимъ образомъ, лишь немногія усадьбы даны намъ призмѣ вкуса архитектуры Екатерининской эпохи, т. е. выполненны въ стилѣ Людовика XVI, столь излюбленномъ одно время Великою Императрицею.

Усадьба Елисаветинскаго времени (въ стилѣ „барокко“) почти не сохранилось, и 3—4 сооруженія

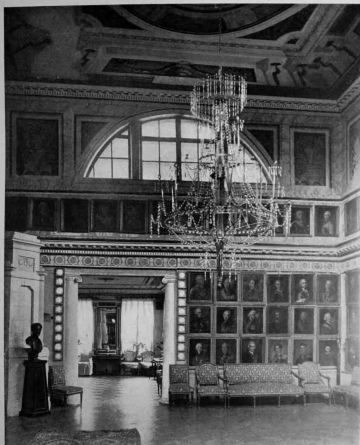
1780—90 годовъ являются особенно цѣнными, какъ единственные въ своемъ родѣ. Нѣкоторыя постройки этого рода болѣе снаружи, нежели внутри, представляютъ собою изумительный блескъ архитектурнаго замысла и выполненія (напр. домъ въ усадьбѣ Мерчикъ, Харьков. губ.), нѣкоторыя же, представляя, наоборотъ, огромный интересъ своими „intérieurs“, аи, снаружи довольно просты и лишь по немногимъ деталямъ должны быть отнесены скорѣе къ образцамъ стиля Людовика XVI, нежели къ ампиру.

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ такой именно усадьбы и является Очкино.

Всѣ сооруженія этой усадьбы—и главный домъ, и два флигеля по бокамъ его, и ворота (нынѣ разрушенные), и поварская, и службы, и два стоящихъ по краямъ усадьбы сооруженія съ башнями, и церковь—на первый взглядъ мало чѣмъ отличаются отъ классическихкихъ построекъ 1820—30 годовъ; а въѣздныя ворота и эти 2 башни даже напоминаютъ о

Хрустальная горна (стилъ Louis XVI).

ОЧКИНО.

Общая видъ зала съ росписью плафоновъ,
 портретной галлереей и замѣчательной
 люстрой. Женщины, но подобныя по
 стилю листры еще и теперь въ домѣ
 до 13. Вазы — одна изъ гостевыхъ,
 смежная со столовой.

Собств. фотограф. „Сп. и Уд.“

Вестибюль. Вдали—зал, направо—бюст гр. Безбородко.

Собственные фотографии „Ст. и Яс“.

Павильон на „острове любви“.

времени „барокко“. Однако, внутри домъ представлять рѣдкій примѣръ богатого, изыскааннаго и иѣжно выполненнаго сооруженія въ стилѣ Людовика XVI.

Небольшой пароходъ рано утромъ отходить отъ Новгородъ-Сѣверска вверхъ по теченію Десны.

Излучина рѣки дѣлаетъ почти полное кольцо у подножія крутой горы, на которой возвышаются старинная церковь и живописно разбросаны маленькіе домики города. На лѣвой сторонѣ рѣки—заливные луга: душистые, орошаемые глубокими, тихими, темными водами рѣки, протекающей выше сквозь дремучіе брянскіе, брянскіе и трубчевскіе сосновые лѣса, заповѣдныя...

Сначала, отъ Новгорода тянется сѣва живописные холмы, потомъ рѣка отходить вправо, и оба берега ея становятся луговыми. Вдоль такихъ болотистыхъ мѣстъ и сѣнокосовъ надо пройти верстъ 15—20. Берега пустынные. Лишь издали доносится пѣніе косарей или послышится радостный лай легкой одинокаго охотника: огромный стаи утокъ все время пролетаютъ надъ вашей головой. Вокругъ—зелено, душисто, и прелесть этого края, больше польскаго, нежели малороссійскаго, чувствуется здѣсь по всюду.

Направо, на горизонтѣ начинаетъ вырисовываться темная группа деревьевъ. На фонѣ плоской равнины, лишь изрѣдка прерываемой иѣвно низкорослыми сосновыми деревьями, этотъ оазисъ даетъ возможность сразу узнать въ немъ усадьбу: уже издали можно различить парковые тополи („сикири“), могучіе дубы, липы, вязы и ели, вообще, въ этихъ мѣстахъ не произрастающихъ.

Приблизившись еще немного, можно разсмотрѣть бѣгущую кайму ограды, вышки башенъ и куполъ

Видъ дома со стороны парка, на тулѣхъ два чугуныхъ альфа.

на. Еще несколько кру-
 кь поворотъ рѣки, и
 редь вами Очкино...

По краямъ ограды, окай-
 мляющей всю усадьбу,
 стоятъ двѣ башни, какъ до-
 зорныя. На фонѣ парка по-
 срединѣ — очаровательный
 павильонъ. Въ глубинѣ выд-
 нется колоннада главнаго
 дома, два флигеля, на-
 право — службы; на нѣкото-
 ромъ разстояніи надѣло —
 церковь, а далѣе, по отго-
 му, голому склону тянется
 убогая деревенька.

Основанная въ концѣ
 XVIII столѣтія, усадьба эта
 принадлежитъ безспорно къ
 числу лучшихъ въ Россіи.
 Ея строитель, О. С. Судженко
 (1742 — 1807), секретарь
 графа Безбородко, видный
 дѣятель Екатерининскихъ
 временъ (если доверять нѣ-
 которымъ даннымъ), воз-
 велъ домъ и всѣ постройки
 очень спѣшно, имѣя въ виду
 прѣхать и остановку въ
 домѣ Императрицы Екатерины II. Такія данныя отно-
 сятъ постройку къ 1787 г., т. е. году путешествія
 Императрицы изъ Петербурга въ Крымъ и обратно,
 когда она проѣзжала черезъ Каневъ, Курскъ и была
 въ Новгородъ-Сѣверскъ (гдѣ воздвигнута сохранив-
 шаяся донынѣ триумфальная арка).

Бывшій въѣздный ворота
 (упразднены).

Видъ съ балкона дома. Вдали павильонъ — „пристань“, за нею рѣка Десна.

Собственная фотографія „Сп. и Звѣзды“.

Ваза
 (серебро).

Никакихъ, однако, данныхъ о томъ, что Государыня
 была въ Очкинѣ, къ сожалѣнію, не имѣется. Съ другой
 стороны, стиль дома соотвѣтствуетъ вполне этому
 времени, а чрезвычайно непрочная структура дома,
 обнаруживающая спѣшность сооруженія, подтверж-
 даетъ возможность возведенія усадьбы въ надеждѣ
 на то, что Екатерина осчастливитъ ее своимъ по-
 сѣщеніемъ.

Неизвѣстнымъ осталось и имя строителя усадьбы.
 Между тѣмъ, очевидно, что это былъ далеко не зауряд-
 ный мастеръ: хотя архитектурныя формы и скромны,
 но общее расположеніе построекъ очень пріятно, всѣ
 детали строго правильны (кроме воротъ и башенъ)
 и лишены курьезовъ провинціализма.

Отдѣлка интерьеровъ дома — поразкающей красоты
 и изысканности, и возможно такое предположеніе, что
 обработку внутри производилъ какой-либо художникъ,

ально написанный из Петербурга или из Польши; наконец, принимая во внимание общее состояние вкусов и архитектурных знаний у нашего высшего общества того времени, можно допустить, что проект общего распределения зданий (и даже их обработки) дал сам основатель усадьбы, отличавшийся любовью к искусству, а лишь отдавая за него поручать написанному мастеру.

Разсмотрим по порядку все архитектурные сооружения Очакина.

Отъ приходной пристани, мимо церкви, ведет дорога къ въѣзнымъ воротамъ. Ихъ стиль—слегка барочный: средний фронтонъ и поставленные наверху маленькія чугунныя изображения львовъ еще болѣе увеличиваютъ курьезность ихъ формъ. Калитко—поздѣйшій.

Далѣ, тѣмъ же паркомъ дорога приводитъ насъ прямо къ широкой, почти квадратной площадке—партеру передъ домомъ.

Домъ со стороны партера украшенъ высокими и сравнительно узкими (типично для стиля Людовика XVI) портикомъ колоннъ тосканскаго ордена. Портикъ покрытъ приплюснутымъ фронтономъ. По бокамъ—гладкія стѣны, прорѣзанныя окнами; надъ домомъ возвышается „четверикъ“, во всѣхъ сторонахъ котораго—полукруглыя окна (венецянскія, ибо такія окна часты въ видлахъ дождей, въ окрестностяхъ Венеціи и Виченны). Кубъ этотъ покрываетъ плоскій характерный куполъ, окрашенный въ блѣдный зеленый цвѣтъ. Фасадъ со стороны парка лучше: колоннада здѣсь не „лабрана“ разнми балками.

Со стороны боковыхъ фасадовъ въ верхнемъ этажѣ дома тоже полукруглыя окна и прелестно связанный съ ними въ одну общую композицію плоскій портикъ изъ четырехъ пиллястровъ перваго этажа. Удлиненная пропорція оконъ и особенно профиль вѣнчающаго здание карниза изобличаютъ наличие стиля Людовика XVI.

Такова простая, но благородная и милая внѣшность дома.

По бокамъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, два флигеля. Ихъ одноэтажные фасады украшены прелестными маленькими портиками—крылечками изъ четырехъ, попарно поставленныхъ, колоннокъ, нѣсколько грубо-быво выполненныхъ.

Павильонъ передъ домомъ, на краю обрыва, едва ли не наиболѣе кра-

Н. Брюлловъ. (Автопортретъ?).
Собств. фот. „Сп. и Ул.“

Створки воротъ и двухъ

шатъ парки, поставивъ на удачно избранномъ мѣстѣ подчасъ самыхъ простыхъ формъ бесѣдку..

По краямъ усадьбы—два башни. Обѣ, къ сожалѣнію, изрядно обветшали. Однако, фантастическіе шпильи, украшающіе эти сооружения, придаютъ необходимую для всего облака усадьбы живописность, столь удачно, хотя и панегирично, и даже совсѣмъ неапподобно во многихъ деталяхъ, запечатлѣнную А. Кузавинымъ на его извѣстной гравюрѣ, изображающей видъ Очкина. Кстати, на этомъ рисункѣ вода рѣки подходить вплотную къ „приставкѣ“ (тогда расположеніе здѣсь павильона становится еще болѣе понятнымъ, но съ другой стороны не яснымъ становится—куда же исчезли всѣ, изображенныя Кузавинымъ грандіозныя и чудесныя сооружения: широкая, двухъ-маршная лѣстница, которая вела къ подѣ, каменныя выложенныя стѣны, обеліскы, покосившіеся на шарахъ и поставленные на этихъ стѣнахъ). Неужели все это, изображенное на акварели, существовало, но было уничтожено. Зачѣмъ и когда?

Вблизи дома—поварская; прелестный, скомпонованный удачно домикъ съ антресолями. Два фасада его украшены подымлющейся на полтора этажа колоннадою.

Корпусъ службъ—длинный одноэтажный флигель, съ чередованиемъ крылечекъ изъ парныхъ колоннъ и гладкихъ стѣнъ.

Очень интересны оранжереи—положительно стильное сооруженіе, рѣдкое и, пожалуй, даже лучшее въ этомъ родѣ (если не считать оранжерей въ усадьбѣ Мамонтова подѣ Москвою, оранжерей въ с. Графскомъ у гр. Гендрикова и въ с. Должикѣ у кн. Голицына). Это даны-

Оранжереи. (Вызываютъ прекраснo персики и абрикосы).
Фот. Г. К. Лукомскаго.

корпус, поднимающаяся часть которого, украшена полукруглыми окнами, а къ торцовым фасадамъ его приставлены прелестные, полукруглые, въ классическомъ стилѣ, входы. Вокругъ растутъ огромные тополи и, получающійся, такимъ образомъ, пейзажъ представляеть собою исключительную прелесть.

Упомянемъ еще о „павильонѣ любви“, поставленномъ, какъ полагалось, на уединенномъ островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою. Состоніе павильона довольно печальное.

Въ еще большемъ запустѣніи находятся ворота, поставленные какъ разъ противъ дома, въ паркѣ, и черезъ который, яко-бы, въѣзжала въ Очкино Екатерина II. Почему-то съ тѣхъ поръ ворота эти столь священо оберегаются, что ихъ ни разу не ремонтировали, сохраняя въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ были тогда. Однако, подобная чрезвычайная щепетильность въ дѣлѣ обереганія памятника старины пагубно отозвалась на немъ, и хотя теперь ворота—очень живописная руина, но года ихъ сочтены!

* * *

Въ обширномъ вестибюлѣ, ведущемъ прямо въ расположенный посрединѣ дома огромный двухсвѣтный залъ, прекрасная обработка стѣнъ помощью колоннъ. Плафонъ, какъ частію и бѣлая роспись на синемъ фонѣ залы, выполнены манерою Sgraffito. Посрединѣ зала огромная ваза; съ потолка свѣшивается люстра, необычайно большого размѣра—подобіе хрустального дерева; всѣ стѣны украшены декоративными портретами русскихъ государственныхъ дѣятелей и знаменитыхъ людей и портретами царей изъ дома Романовыхъ (изъѣстная серия: одна изъ такихъ въ Очкинѣ).

Прежде чѣмъ перейти къ подробному ознакомленію съ предметами, украшающими Очкинский домъ, слѣдуетъ видѣть то, что представляеть наибольшій художественный интересъ. Это необходимо, по-первыхъ, потому, что въ Очкинѣ, вообще, такъ много интереснаго матеріала, что говорить обо всемъ на страницахъ этого журнала положительно невозможно—подробное описаніе потребовало бы нѣсколько номеровъ или могло бы уместиться лишь въ отдѣльную книгу—а, во-вторыхъ,

Фогель-фонъ-деръ-Фогельштейнъ. (Семейный портретъ Суворенко).

Собств. фотогр. „С. и У.“.

(Изъ картинной галлерей Очкина).

шій, волшебный фонтанъ. Когда, зажженная она играетъ своими хрусталими, получается впечатлѣніе елки, подвѣшенной къ потолку...

Было уже упомянуто о портретахъ, покрывающихъ всѣ свободныя мѣста простѣнковъ. Кромѣ нѣсколькихъ рядовъ портретовъ по низу, изъ нихъ свѣшаютъ еще поясъ по фризу. Выше нѣтъ алмазъ—богатый карнизъ, и еще выше, на высотѣ полукруглыхъ оконъ—богатѣйшая орнаментальная роспись: это напоминаетъ роспись стѣнъ виллы, принадлежавшей нинѣ conte Valmarana въ Lonedo. Особенно хороши фризъ алмазующаго карниза изъ вѣнковъ и изображенія римскихъ руинъ въ медальонахъ, расположеніи пейзажи Peresinotti или Huber Robert.

Въ залѣ просты, но хороши печи стіла Людовика XVI и мебель того же стіла, представляющая, однако, меньшій интересъ, какъ болѣе современная.

Отмѣтимъ еще въ двухъ пройденныхъ комнатахъ четыре прелестныя жирандолы, черныя съ золотомъ, канделябры и полотна кисти Вувэрмана и Ванъ-деръ-Вельде.

* * *

Въ гостиной три замѣчательныхъ подзеркальника, рамы зеркалъ и boiseries всей отдалки чистѣйшаго стіла Людовика XVI. Здѣсь изображены корзины съ цвѣтами, бубны, стрѣлы, колчаны и проч. эмблемы. Рисунокъ этой резьбы изъ дерева выполненъ

Павильонъ—пристань.

Фот. Г. К. Лукомскаго.

необычайною изысканностью, тонкостью и, вместе с тем, не сухъ (какъ это непременно было бы въ соотвѣствующемъ современному издѣліи), а сочесть и мягко. Здѣсь же находится чудесный органъ, темнаго ореховаго дерева съ изысканной бронзовой арматурой. Всѣ предметы французскаго мастера въ духъ Neuforg'e'a. Здѣсь двѣ картины, приписываемыя Теньеру, и хорошая небольшая люстра.

Въ столовой также люстра съ красивымъ стекломъ. Интересенъ плафонъ съ фруктами, чередующимися видами античныхъ бѣлыхъ построекъ, выдѣляющихся на розовомъ фонѣ, подобно камешъ. Изъ картинъ, украшающихъ столовую, отмѣтимъ одного несомнѣннаго Liotard'a (двѣ чудесныя пастели— «фрукты»). На полотнѣ подпись: «peint par Jean-Etienne Liotard, agé de 80 ans—1782». Въ столовой, красивая печь стиля Людовика XVI.

Въ другой гостиной надо отмѣтить печь, плафонъ съ изображеніемъ треножниковъ и розакомъ посрединѣ, три чудесныхъ зеркальных обрамленія и удивительную бронзовую «горку» Людовика XVI съ шаромъ наверху и пирамидами и вѣрами внизу. На «горкѣ» сервизъ. Здѣсь лучшие въ Очкинѣ предметы богатѣйшаго собранія фарфора и хрусталя. Упомянемъ о вазочкѣ Императорскаго завода, Павловскаго времени, о вазѣхъ съ пейзажемъ, Александровскаго времени; много предметовъ завода Миклашевскихъ (ближайшіе родственники Суденко). Кстати, отмѣтимъ замѣчательный фарфоровый сервизъ на нѣсколько десятковъ лицъ, хранящійся

ки. Кантемира, кисти Д. Левицкаго; портретъ гр. Безбородко, работы Vogel von Vogelstein'a; портретъ гр. Румянцева, его карлы и карлицы (интересны въ бытовомъ отношеніи); портреты Им. Павла на медальонѣ (безъ подписи автора). Интересны рисунки: виды Кіева, виды Михайловскаго монастыря, Софійскаго собора и др.

Въ слѣдующей комнатѣ—угловомъ кабинетѣ, находится портретъ работы Винтергальтера, изображающей дѣда Е. А. Суденко. Въ этомъ кабинетѣ прелестныя зеленые обои съ вертикально сбѣгающими гирляндами фруктовъ. И здѣсь зеркальное обрамленіе. Отличный письменный столъ стиля Людовика XVI съ двумя пирамидами изъ мрамора по бокамъ и съ часами посрединѣ, комодикъ съ отличными ручками...

Для краткаго обзора предметовъ, надо упомянуть всѣтаки о прелестныхъ миниатюрахъ въ гостиной (изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. подлинная Cantemir A. D. R. и датированная 1785 г., отличны); о фарфорѣ (есть рѣдкая марка англійскаго

фарфора съ короной), о многихъ отличныхъ предметахъ мебели въ двухъ полузалахъ, примыкающихъ къ центральному залу, о картинахъ мастеровъ иностранной школы.

Въ антресольномъ этажѣ изъ комнатъ примѣтельна только спальня съ колоннадой. Много старинной мебели, милой, уютной, но не представляющей собою особаго художественнаго интереса; много люстръ (всѣхъ до 20) и фоновъ, нѣсколько хорошихъ портретовъ (напр., Вагнов 1824 года и другихъ мастеровъ).

Въ комнатахъ фангелей также есть много интересныхъ портретовъ (напр., приписываемый Брюлову) и большое количество фарфора—всѣ стѣны увѣшаны имъ...

Очкино представляетъ художественное средоточіе предметовъ, средоточіе особенно дѣльное потому, что оно типично для стиля, столь мало представленнаго у насъ въ Россіи, и не только въ провинціальной Россіи, но и въ столичной. Тѣмъ болѣе надо пожалѣть о печальномъ

конструктивномъ состояніи дома, построеннаго, какъ было сказано, наспѣхъ, помощью буфаторскихъ средствъ. Домъ весь изъ дерева и лишь оштукатуренъ; система отопленія старинная... Высохшее, обратившееся въ труху дерево. Поднявшись, напримеръ, на хоры зала, можно замѣтить, что покосились уже

М. К. Суденко (въ Очкинѣ).
Собств. фотогр. «Сп. и Уг».

ГЕРБЪ РОДА СУДЕНКОВЪ.

Далѣе, вдоль по другому фасаду, зеленый большой кабинетъ, соотвѣствующій въ строго симметричномъ планѣ дома—столовой съ другой стороны. Здѣсь примѣняется мебель «Жакобъ».

Въ этой комнатѣхъ полотна кисти Боровиковскаго—портретъ прадеда владѣтеля дома; портреты

стены, а укрѣпленіе ихъ едва ли возможно. Вообще, Очкинскій домъ рѣдкій примѣръ непрочной постройки, въ противоположность всѣмъ воздвигавшимся въ то время другимъ домамъ.

Домъ въ Очкнѣ это царство стиля Людовика XVI, подобно тому, какъ Гомель показателъ Николаевскаго искусства, а дворецъ въ Хотынѣ характеризуетъ Александровское время и его вкусы.

Въ ряду усадебъ, нами уже разсмотрѣнныхъ и еще намѣченныхъ къ описанію, это жемчужина одного ожерелья Черниговскихъ усадебъ (Качановка — Олнѣ; Душатинъ — Кузубко-Корещкихъ; Стольное — Мусинъ-Пушкиныхъ, Полошки — Скоропадскихъ, и др.).

Георгій Лукомскій.

ПИСЬМА И BILLETS DOUX.

III.

Mon cher, cher Rédacteur.

Я такъ давно, такъ давно вамъ ничего не писала! Но вы не должны на меня сердиться. Не правда ли, вы на меня не сердитесь? Вѣдь вы — a real gentleman, и не можете хотѣть этого женщинѣ, en vouloir à une femme. И, кромѣ того, я совсѣмъ не виновата, а виноваты только европейскія событія.

Я расскажу вамъ все по-порядку.

Весной, въ мѣсяцъ — я ужасно люблю май! а вы? — le prince, mon mari хотѣлъ, чтобы я ѣхала въ деревню, къ намъ въ родовое имѣніе, которое было подарено еще его прадѣду Императрицѣ Екатериной. Императрица Екатерина, говорятъ, ужасно любила прадѣда моего мужа за то, что онъ былъ очень веселый и умный. Это имѣніе очень красивое, вродѣ тѣхъ, которыя вы фотографируете въ нашемъ милomъ журналѣ.

Тамъ прелестный château, оранжерея, гдѣ растутъ ананасы и персики, большой англійскій паркъ съ старыми, старыми деревьями и очень много земли, на которой мужики сѣютъ хлѣбъ — и бѣлый, и черны. Также тамъ много этого красиваго растенія, изъ котораго дѣлаютъ борщомъ. Мой мужъ говоритъ, что изъ этого растенія приготавливаютъ сахаръ; но я думаю, что онъ, по своему обыкновенію, смѣется надо мной, потому что какъ же можно изъ этого растенія дѣлать сахаръ: оно — красивое, скорѣе даже цвѣта бордо, а сахаръ — бѣлый.

Такъ вотъ видите. Мой мужъ хотѣлъ, чтобы я ѣхала въ деревню, но я не хотѣла, потому что хотѣла тамъ очень красиво, но тамъ тоже очень скучно. Я совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, что мнѣ тамъ дѣлать. Когда я туда прѣѣзжаю, и немного гуляю и очень много читаю. Иногда le prince, mon mari приглашаетъ въ гости сосѣдей, но они какіе то скучные и очень шумятъ. Единственный сосѣдь нашего круга это — старый графъ Сандинъ, но онъ такой старый, что никогда къ намъ не прѣѣзжаетъ, и потому онъ, правда, слишкомъ старый, даже если бы онъ и прѣѣзжалъ: онъ былъ еще флигель-адъютантомъ Императора Николая Павловича. Хотя онъ и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ въ чинѣ корнета и всего только за годъ до кончины Императора, но всетаки — вы сами понимаете, что это было очень давно. Это уже древняя исторія.

Но я какъ-нибудь въ другой разъ расскажу вамъ о нашей деревнѣ и о нашихъ сосѣдяхъ.

Теперь я хочу рассказать вамъ только, что со мною происходило лѣтомъ, и почему я вамъ такъ давно не писала.

Въ деревню я поѣхать отказалась и, хотя мой мужъ былъ очень сердитъ на меня за это, я уѣхала за границу.

Дѣтей моихъ я, конечно, послала въ деревню, ses chers anges! изъ деревенскій воздухъ полезенъ и закаляетъ ихъ, а здоровье моихъ дѣтей для меня — прежде всего. Я даже согласилась расстаться съ ними, только чтобы они еще немного укрѣпили свое здоровье.

Я поѣхала въ Парижъ, а оттуда въ Виши. Я не особенно люблю Виши, но докторъ сказалъ мнѣ, что я должна пить воду изъ источника Mesdames.

Тамъ тоже былъ баронъ Зюнде. Я была очень рада его видѣть, но онъ пилъ изъ источника Hôpital, вомуто что у него печенька испортилась. Онъ, вѣрно, бѣдный, старый другъ, слишкомъ утомляется въ теченіе зимы всѣми этими благотворительными вечерами. Да и службой, вѣрно, тоже: вѣдь онъ причисленъ къ канцеляріи Вѣдомства Императрицы Маріи.

Изъ Виши я хотѣла ѣхать куда-нибудь на берегъ моря: мнѣ въ Парижѣ сдѣлалъ прелестный кузальный костюмъ.

Понимаете — изъ двухъ, такъ сказать, частей, — блуза и другое. И все это изъ сѣтло-лилового шелка, такого, знаете, шелка, который не шелкъ, но выглядываетъ, какъ шелкъ.

Матерія прелестная: когда вы выходите изъ воды — вы и одѣты, и раздѣты en même temps. Все совершенно прилично, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень красиво... я говорю, но крайней мѣрѣ, про себя... Нѣтъ, нѣтъ! mon cher Rédacteur! Вы думаете, что я преувеличиваю, что я хвастаюсь? Нисколько... Да и притомъ значѣньмъ мы будемъ говорить объ этомъ съ вами въ печати. Это совсѣмъ не касается толщины публіки, le gros du public. Я лучше вернусь къ моему рассказу, пока я не потеряла нитку.

Какъ я уже сказала, я совсѣмъ собралась ѣхать или въ Дьеппъ, или въ Трувилль, какъ вдругъ приходитъ ко мнѣ баронъ Зюнде и говоритъ:

— «Знаете, chère princesse, будетъ война».

— «Какъ?», отиваю: «будетъ? вѣдь она уже была годъ тому назадъ».

— „Такъ та была на Балканскомъ полуостровѣ, а эта — будетъ un peu partout и даже beaucoup partout“.

Баронъ Зионде такъ и сказалъ — „beaucoup partout“, вы знаете, какой онъ мѣткій въ своихъ выраженіяхъ. Я, конечно, очень испугалась. Куда же ѣхать, если война будетъ всюду?

Баронъ сказалъ — „куда хотите, но я васъ въ такую тяжкую минуту не покину“.

Это было очень рыцарски съ его стороны, и я его очень благодарю.

Черезъ нѣсколько дней, когда я выходила изъ ванны, т. е. не изъ ванны, а изъ Etablissement, гдѣ ванны, баронъ меня встрѣтилъ. У него видъ былъ очень серьезный, и онъ размахивалъ своимъ стаканчикомъ въ соломенномъ футлярѣ на ремешкѣ, какъ еще ересь d'enseigne.

Онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко поцѣловалъ мою руку и сказалъ:

— „Sa у est! началось! надо уѣзжать“.

Я сначала даже не поняла про что онъ говоритъ, что началось. Потомъ ужъ онъ мнѣ объяснялъ.

Вы сами понимаете, mon cher Rédacteur, какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе: во-первыхъ, хотя я никогда политикой не занималась — у меня вѣтъ политической шпикки — и я иногда даже могу казаться легкоймысленной, но — j'aime la Russie. Я ее, конечно, мало знаю, но я ее люблю, понимаете такъ — не умою, а сердцемъ. C'est mon pays.

Я вотъ только что сказала вамъ, что мнѣ въ деревнѣ скучно, а когда я узнала, что война, то мнѣ захотѣлось скорѣй, скорѣй быть въ деревнѣ... ну, если не въ деревнѣ, то въ Петербургѣ, вообще — дома, въ Россіи. C'était plus fort que moi.

Я такъ и сказала барону:

— „Сегодня же я уѣзжаю въ Россію“.

А баронъ мнѣ на это отвѣтилъ:

— „Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Но я съ вами вполне согласенъ — надо ѣхать“.

Тутъ у меня, должна вамъ confesser, мелькнула трагическая мысль: баронъ Зионде — мой большой другъ, мы всѣ его хорошо знаемъ, онъ — камергеръ; но вотъ фамилія у него нѣмецкая. А что если онъ... Теперь мнѣ самой стыдно за такую мысль, послѣ всего что онъ для меня сдѣлалъ, но тогда — я была потрясена. Какъ человѣкъ очень открытый — это всѣ знаютъ, что я очень откровенная — я его прямо тутъ-же спросила, хоти и очень волнувалась:

— „Баронъ, скажите — вѣдь вы не нѣмецъ!“

Онъ меня сразу успокоилъ:

— „У моего дѣда было имѣніе въ Курляндіи, которое мой отецъ проигралъ въ карты. Вотъ и все“.

Я пожала ему руку и сказала:

— „Я никогда въ этомъ не сомнѣвалась, мой другъ. Благодарю васъ, благодарю васъ de tout coeur“.

И онъ долго цѣловалъ мою руку, потому что онъ настоящий патриотъ и человѣкъ съ душой.

Мы пошли въ гостиницу — баронъ случайно остановился въ той-же гостиницѣ, что и я — и сейчасъ начали укладывать наши вещи: я — мои, а онъ — свои и мои.

Хотѣ въ вагонѣ было ужасно, но мы все-таки приѣхали въ Парижъ. Я хотѣла отдохнуть то два — три дня, но баронъ утверждалъ, что Франція должна неизбежно вѣшаться въ войну, и что лучше сейчасъ же ѣхать дальше.

Я его послушалась, я теперь очень счастлива моей признательностью. Кто знаетъ, что съ нами было-бы, если-бы мы еще задержались въ Парижѣ, а теперь — я знаю, что съ нами было...

Non, non! mon cher Rédacteur! будьте серьезны! я вѣдь васъ знаю, вы — Богъ знаетъ, что думаете.

Вы — не правы, вы не правы! Et puis — если-бы вы и были правы — но вы не правы — неужели вы думаете, что я вамъ сказала-бы!

Мы изъ Парижа въ тотъ-же день уѣхали въ Лондонъ.

И поѣздъ, и пароходы были переполнены англичанами и американцами, qui fuyaient le spectre de la guerre.

Я — должна признаться — очень боялась все время, но милый баронъ меня утѣшалъ, какъ онъ только одинъ умѣетъ утѣшать. Вы этого не поймете, mon cher Rédacteur! я васъ очень люблю, но вы не поймете, потому что у васъ душа не женственная. Женственная душа совсѣмъ другая, чѣмъ мужественная. Можно быть Жанной д'Аркъ, и все-таки имѣть женственную душу, а даже Суворовъ, le prince d'Italie, не могъ бы этого понять. Такъ что вамъ, mon cher ami, вамъ нечего обижаться.

A propos, вы позволите мнѣ называть васъ „mon ami“? Rédacteur — это звучитъ ужасно официально, а мы теперь вѣдь всѣ — братья, настоящіе друзья, n'est ce pas? Братья и сестры.

Сестры — это такъ прекрасно! такъ мистично! это пахнетъ лиліей, а иначе — это пахнетъ красной розой, воплотіею красной розой... Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать?..

Но я опять удалась отъ моего разсказа, моего историческаго разсказа, потому что: c'est de l'histoire, какъ сказалъ этотъ божественный Викторъ Гюго, когда его пришли арестовывать.

Я ужасно люблю Гюго: это мой фаворитъ изъ поэтовъ. Я его постоянно перечитываю. Помните въ „Эриани“ донья-Соль говоритъ:

— „Tu es mon lion superbe et généreux!“

Какъ это вѣрно! Superbe et généreux! Въ этихъ двухъ словахъ для насъ, бѣдныхъ женщинъ — все. Великолѣтіе и великодушіе!

Я нашла сама этотъ переводъ по словарю Макарова. Я пооще ужасно хочу перевести этого „Эриани“ на русский языкъ. Вы должны мнѣ въ этомъ помочь, mon cher ami; мы съ вами сдѣлаемъ это въ прозѣ, а баронъ Зионде переложитъ на стихи. Баронъ прекрасно владѣетъ французскимъ стихомъ. Онъ мнѣ какъ-то разъ читалъ свой переводъ народной (se cher peuple!) русской пѣсни.

— „Шли три онѣ, шли три онѣ, а за ними онъ“...

— „Marchaient trois elles, marchaient trois elles et derrière elles — il“...

Правда, какъ удивительно точно, и какъ духъ, l'esprit, соблюденъ? Мы съ вами при личномъ свиданіи поговоримъ подробно о моей идѣ перевести „Эриани“. Вы увидите, что изъ этого выйдетъ грандіозное дѣло. Се cher mr. Теляковский велитъ поставить нашъ переводъ въ Михайловскомъ театрѣ, т. е. нѣтъ! не въ Михайловскомъ — тамъ вѣдь французъ, они могутъ играть по французски — а въ Александринскомъ или въ Маринскомъ. Вѣдь у насъ чудные русскіе артисты. Я вижу отсюда, какъ monsieur Барламовъ сыграетъ донъ-Карлоса и будетъ говорить монологи передъ гробницей Шарлемани...

Но, j'y pense! Какъ-же мы сдѣлаемъ съ этой сценой? Вѣдь тамъ появляются разные нѣмецкіе короли! Это, пожалуй, теперь не удобно. Публика можетъ свистать. Будетъ скандалъ. Нельзя-ли ихъ сдѣлать какими-нибудь славянами: черигоорцами, малороссіями. Что вы объ этомъ думаете?

Mon Dieu! mon Dieu! я по своему обыкновенію заболталась. Мнѣ нужно ѣхать dans la Croix Rouge слушать лекціи.

Простите меня, mon cher Rédacteur et ami, я ужъ будущій разъ разскажу вамъ, какъ я ѣхала изъ Англіи въ Россію. Можно?

Ваша очень преданная
Княжна Сандра.

Рис. Павлов. (Country Life).

МОЕ САМОЕ НЕПРЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

I.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

— Нельзя жить безыццельно въ Петербургѣ, нельзя долго сидѣть на одномъ мѣстѣ, нужно ѣздить непрестанно—это законъ природы*...

— развивалъ мнѣ свою теорію одиѣ докторъ, «человѣкъ животное двигающееся, это вамъ не кораллы или устрица»...

По его выходило, что необходимо не только, такъ называемый, motionъ, движеніе, а нужно ѣздить непрестанно далеко.

Надняхъ попала мнѣ въ руки русская книга съ мудренымъ названіемъ.

— «Микрокосмосъ и макрокосмосъ».

Сочиненіе философско-медицинское. Кто могъ написать у насъ такую книгу? Понятно не докторъ медицины и не философъ: написалъ ее вице-адмиралъ въ отставку, ибѣто Скалонскій. Философы строятъ дремлюты и плаваютъ на нихъ, адмиралы философствуютъ. Книга протяженно-сложенная, сплошь изъ выдержекъ и цитатъ отовсюду. Читать эту книгу я не совѣтую, и тотъ, кто совѣтовалъ ее мнѣ, тоже, вѣроятно, не читалъ. Но мысль, за которую ухватился авторъ, очень интересна.

...Все въ мирѣ подчинено какимъ то не то электрическимъ, не то радіоннымъ токамъ. Миръ это сплошь электрическая энергія. Энергія сконцентрирована въ землѣ. Зѣны ползаютъ всю жизнь по землѣ, потому оны такъ и лезутъ. Нѣтъ ядовитыхъ животныхъ среди летающихъ, такъ какъ они всегда далеко отъ земли. Зѣновый ядъ—это разрядъ электрической энергіи, которой она набрала въ себя ползая по землѣ. Вообще, ядъ та же единственная электрическая энергія, поэтому то дѣйствіе удара молнии и сильного яда почти одинаковы, и т. д...

Когда организмъ болѣетъ, это значитъ, что въ немъ нарушено равновѣсіе электрической энергіи. Нужно измѣнить долготу или широту, подъ которой живешь, переѣхать въ ту часть земного шара, гдѣ напряженіе электрической энергіи иное—и болѣзнь излечится.

Чѣмъ больше разности, чѣмъ большая разница въ климатахъ, тѣмъ

болѣе измѣненіе и въ напряженіи земного электричества, а отсюда и тѣмъ болѣе лечебный эффектъ можетъ получиться.

* * *

Другой мой знакомый утверждалъ, что подъ тропиками не потому такъ жарко, что на нихъ солнечные лучи падаютъ прямо, а только потому, что на тропикахъ земная кора тоньше и наружу выделяется больше тепла изъ внутренней расплавленной магмы. Сужденіе парадоксальное, но его высказывалъ человѣкъ очень образованный. Когда надъ нимъ смѣялись, то онъ добавлялъ:—«Все великое и непонятное современникамъ разсматривалось ими, какъ парадоксъ или абсурдъ»...

Если прибавить къ мыслямъ вице-адмирала еще и это толкованіе, то получится тѣмъ болѣе значеніе для всякаго живого организма перемѣны мѣста на земномъ шарѣ.

При однихъ болѣзняхъ можетъ быть нужно ѣхать на сѣверъ, при другихъ на югъ, а на всякій случай слѣдуетъ ѣздить по всему земному шару, чтобы повсюду на болѣе удобное для данной болѣзни мѣсто...

Такъ это или не такъ, но вотъ еще одинъ доводъ за громадное значеніе путешествій.

То, что я пишу ниже, и озаглавилъ:

«Мое самое непрятное путешествіе».

Это было дѣйствительно путешествіе въ высшей степени непрятное, и подѣ съѣзжымъ его впечатлѣніемъ и тѣмъ съ большимъ правомъ повторю:

— «Позжайте путешествовать, когда будетъ возможно».

II.

САМАЯ СКУЧНАЯ СТО- ЛИЦА ЕВРОПЫ.

Португальцы говорятъ про свой Лиссабонъ:

— «Кто же не знаетъ Лиссабона, тотъ не знаетъ ничего прекраснаго».

Тѣ же самое говорятъ про Неаполь итальянцы, про Константинополь—турки, про Рио-де-Жанейро—бразильцы, про Буэнос-Айресъ—аргентинцы, и т. д. Слову нѣтъ же вѣрны.

Лиссабонъ красивъ, когда такъ, когда вѣтъ туманъ надъ такою и городомъ, когда вода такою не кажется болѣе глубокой, когда такъ упрямой кофе. Кроме того, Лиссабонъ красивъ, когда вѣтъ до этого не начало три дня въ

Въ денгахъ Амстердама.

Голландцы проскакиваютъ уѣзжающихъ на Неву.

(Фот. историч.)

АМСТЕРДАМЪ.

Здание биржи — одно из удивительнейших в мире по своей архитектуре.

Улица в Амстердаме.

Мост через Амстердам и Народный дом.

Атлантическом океан. Бискайский залив, по которому бьют сода, — родной брат Каранбского моря: постоянная качка и еще вдобавок пронизывающий ветер. На юг до Мадрида тоже качает перья. Трудно подышать к Лиссабону без качки. Качало и ныло.

Только там, дальше к югу, у острова Зеленого Мыса, начинаешь идти и впасть приятное морское путешествие.

Когда послы Бискайского залива приослаиваются в туман береговых гор мыса Финистера, появляется берег Испании — все доволны.

На ишей «Ковантин-Эмпа» бьют на Яву большой ульмский дог. Ему суждено улачивать собачью породу тропической Голландии. Он тоже жалобно мыл на Бискайском заливе, не стеснясь присутствием особы женского пола, маленькой таксы, приважившей по составу. Всю свою собачью иждивенность он обнаружил уже у берегов Испании, когда прошли заливы, и матросы то и дело ходили около него с большой палкой.

За эти четыре года, что я не был в Лиссабоне, мало что изменилось. Стало меньше экипажей, все съезди автомобили, при этом автомобиль очень дорогой и очень скверный. Разли что Нью-Йорк или наша Москва могут показывать еще более скверными и еще более дорогими таксомоторами.

Тяжести возить на мулах, мулы вездь. Где ты лошади и осли, от которых рождается эти мулы? — невольно задаться себе вопрос: ни лошадей, ни ослей не видно. Мулы же, как известно, уже не дают потомства, это всегда «последние в роде».

По привычке южных народов, люди носят здесь всюкую тяжесть на головах. Рукам — свободы, а головам все равно на к чему больше не требуется — головой работы тут мало.

Не больше стало этой работы и со времени впадения короля Мануэла, ничто не изменилось. Стало еще скучнее, хотя и раньше это был самая скучная столица Европы.

На монетах изображена красивая женщина «Республика» и не пишут уже «500 реалов», а «500 центов», что народ все равно еще считает на реалы.

Здесь привычка к безделью и расправляются сами. Когда являю трамваю загорелый путь какой-то ломоты, вагоновожатый долго зовлет, прохаживает, а затем останавливает вагон и посылает специально наказать шену ломоты.

О бывшей активной резиденции португальских королей, о Синтре, испанская посольница говорит: «Кто осматривает весь мир, но не видел Синтры, тот бьют по миру с мышком на поводке». Опыт советую не брать этого крайнего возмущения, хотя поездки в Синтру и интересны.

На базарах в Лиссабоне масса фруктов, еще больше рыбы. Рыбу носят тоже на головах и непременно по солнцу и без

зада, всегда открытой, точно нарочно, чтобы скорее портилась. Бросить в корзину живую рыбу, перейти улицу, а рыба уже рот раскрыла.

Кривать, гадать. Особая португальская иждивенность — ткнуть другой рукой под ребра.

Когда на ишей пароход прѣхало человек десять прожигавших лиссабонцев, пришлось постыдно бѣжать из смокнот-рума. Показе было на каку-то катастрофу, если судить по шуму.

Они пили из смокнот-руч теплее шампанское, хлопая друг друга по плечу или тыкая рукою в бок, горлачили и, вѣроятно, не вспоминали о том, что теперешнюю тропическую Голландию открыл португалец Васко-де-Гама, и что записка того парохода, на котором они плыли шампанское — голландцы — отняли у них эти богатѣйшие колонии.

III.

32.000.000!

Мы совершенно не представляем себе: что такое Ява, какое это богатство?

Сколько живет людей на Яве — одного большого острова и двух маленьких?

Я точно даю вопрос из учебника географии для ученика первого класса. Но я спрашивал у десяти развитых образованных людей:

«Сколько жителей на острове Ява?» —

отвѣчали:

«Миллион, три миллиона, пять миллионов»...

Ничто не сказал и близкой цифры. А там живет 32.000.000 жителей! Это 16 Петербургов! Какая невероятная для тропиков густота населения.

Остров курьезен дорогами — грунтовыми и желтыми. Богатейший сад в Бутежкорнѣ считается роскошнейшим в мире. Впрочем, «роскошнейших» я знаю уже два — в Рио-де-Жанейро и в Колумбо... Самый лучший никогда не бываешь один, всегда искомое, самых лучших».

Острову Ява дает особую прелесть его гористость: в 2—3 часа из тропиков можно подняться в умеренный климат и даже в холод.

Число туристов, глабротронов, ширеющих по миру, растет быстро. Но особенно поразительно этот рост для Явы. Ветр цифры из официального голландского отчета:

в 1908 году Яву посетили 528 туристов;

в 1913 году 9.842 туриста.

Рост постепенный и прогрессивный.

В августе на Яву в Семаринг открывается выставка. Выставка не прерывается на гражданство, но зато она будет экологична поляр. Голландцы не сдают. Этот умирный, трудолюбивый

ный, хотя и грубоый народ» не выпустить из руки то, что имеешь. Хотя что значится: «не выпустить»? Ох! сохраняешь свои колонии подле великих держав. Есть страны, народ славянские земли, которые всем хочется делить, на которые всем хочется

...Почему не обратить благосклонного внимания на голландских колоний? Забыли былые основания для захвата, малейший отвод поработности. Откуда не хочу сказать, что нужно что-то у кого-то захватывать, хочу только подчеркнуть абсурдность современных политическxх стремлений. У людей еще много осталось от Каменного века. Мне это особенно дорого, из-за того, когда мы шли по Ламанше в Саут-гендалье мимо великой английской эскадры, осаждавшей королевского смитра. Дредноуты, сверх-дредноуты и пушки, пушки, пушки... Все, чтобы разрушить культуру, которую мы, современные люди, так гордимся. Вдаль не для джварей строится дредноуты, это название (что я пишу), это мифология при современных условиях, но это может быть базис для всякого-нибудь нашего отсталых-предков. Они будут говорить:

«Это было в те далекие времена, когда разрыв с христианством, учением, религией, с аскетизмом, разрыв с борьбой с плывущими и падшими на змеинах — «Браство», люди сотнями тысяч истребляли друг друга помощью совершеннейших орудий»...

Я выписываю сейчас из своего дорожника дневника. Я записываю это на голландском пароходе всего за несколько дней до той страшной европейской войны, которую мы переживаем. Могь ли я думать, глядя на эти десятки, сотни английских военных судов, на эти жерла пушек, что онъ через несколько дней будет пушенъ въ дѣло, что онъ окажется необходимѣйшими вещами...

НА ГОЛЛАНДСКОМЪ ПАРОХОДЪ.

Мне приходится первый раз взять на голландском пароходе. И нарочно выбрал голландский для этой поездки вокруг Европы, чтобы сравнить его с другими. Нить тон розовая, что на английском и немецких пароходах. Там особенно изыскана, но очень чисто, очень просто и, пожалуй, удобно. Что касается самих голландцев, то они из высшей степени довольны и не возмущаются своим пароходом.

Въ таъ области рыбы, и рыба привнесена. Много великъ колониално-земельно, «плавающихъ сердца» включительно. Въ 11 часъ утра являю традиционално английскаго бульона съ креветками то, «advocaat» (зиперъ съ аниномъ желткомъ), то винни изъ джентъ, то еще какое-нибудь мѣсиво.

Отношение к детям — английские и/или католические запрещают входить в общую комнату. На немецких паровозах детям тугоже, где им неудобно. Это запрещение мешает общаться только тогда, когда дитя не справляется с жизнью на немецком паровозе, где откуда уберечь от детского шума.

Пассажиры внешнего парохода — голландцы, немцы и англичане. Я боюсь, что немцы вообще становятся на пароходах не меньше, чем англичане. Они едут. Зато немцев особенно много, так как голландцы ближе других к своим симпатиям к нам — ближе к нам, советским детям, много общаются.

Среди наших голландцев несколько „ван", остальные без „ван", но все очень просто, скажем бы — грубоваты, хотя и симпатичны.

Потылаки всех наших пассажиров — старики с головами, как красные бивалварный шары, без самого волоса, все волосы утонуло в 11. Болвануша голландки с обожженными до красна лицами и руками, это — особое молодостество сидеть на сонных и пелась; некуда, да боля и потом макушку покрывающих жиста наливомом, удивляют, что это очень здорово. Платки нарядомых сезонов. Нисколько старухи черные и зилономы, старики удивительно всегды и жинердаства. Особомо слышеть всех одна, самая толстая — поета, пробует тапноты, промреть платки всех пассажиров и строит рожи, чтобы слышеть...

Пять, шесть мужиков... обдаются из
смигонгатах, остальные же уснули этой
английской привычки. Къ тому же салми
сталъ жевать на парокхатъ не обжигаясь
къ издвиганию смигонгата или фрика. Зато
универсально дешево, трудно требовать
болше за эти дичины: двадцать дней
отъ Амстердама до Гексу, съ 4200, на
первономъ классѣ. 120 буфетъ.

Воздуху динной, сит и инд, сгоня-
ющей сумми, Вездех. чисто. Приняла —
малыши сь Уны. Ишь зовут не «сто-
аргани», какь вездь до моря, а «биги»
(jongen). Ходить всё они босиком, —
включая и главного стоарти, — на подош-
тах, рубашках, сь голозой, мизинной
палочкой, причём палочку испреимно
повязан зясы, чтобы сзади торчала два
дзюстика.

Сидеть на мебели маляки не разрешается, и в свободные минуты они легкого прикуривания на полу или сидеть на мебели не разрешается.

До Ямы זאת только человек, охоты, остальные вылезать из Гуну. А там, в Гуну, сидят настоящие драконы люди, хаунае из колонии. Они выжидают 10 дней, пережидая Европу зисперсов, и тогда, чтобы опомниться ее из паролд. По этому же пути, через Гуну, идет из Тронической (опадание) вся юта.

В ясную погоду заметно смотреть в воду с носа парохода. Видно глубоко; видны рыба, дельфины, водоросли. Иногда пароходы нагоняют стаю рыба, и они, как поросенки от автомобиля, удирают не в сторону, а по движению парохода. Долго стараясь, пароходы нагоняют, рыбы прыгают как в воду, предвещая что-то страшное и, наконец, совершая обряды, приселения или пародию.

Мы все фхали и фхали, живя регулярным строем паровой жизни, а в это время в Европе готовились к величайшей бойне. До нас еще ничего не доходило: мы ничего не знали, ничего не предчувствовали!..

V.
ВЪ МАРОККО.

— „Вы пойдете на ослеп или на муку?“

Это была главный вопрос для жизни голландских шлоадиных дам. Многим все-таки счасья не повезало, так как не нашлось достаточной прочности, на основе, ни муровей: ибсь голландских дам большой.

Высадив на Танжер вь лодку, Лодки сильно качало при самом маленьком волнении, порги совершенно открыты, неудобны. Волнение еще увеличилось от неистового гортанного крика арабов, жегров, хитинших всплески и мароккских евреев. Чего они гарили? — никто не подмет; это своего рода функция каждого организма, как жвачка у коровы или вепенье у японских мшлрй.

Грызть, всагъ, грызъ такая, что пора-
жаться какъ всѣ люди не умерли отъ
холеры, тифа или чумы въ этихъ узкихъ,
каль полутемныхъ, пыльных переулоч-
кахъ и трюмкахъ. Дѣла забавляются дол-
гими обаяньи и кошками среди пью-
щихъ обываковъ. Тоняють отъ испарений...

Голландскія колоніи.
Женщина съ остр. Ява

Голландскія колоніи.
Мѣсто морскихъ купаній на остр. Ява.

Въ Маронно.
Укротитель змѣй на улицѣ Танжеръ.

ВЕСЕННЯЯ ЦВѢТОЧНАЯ ВЫСТАВКА
ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ.
(1914 годъ).

Снимокъ съ натуры въ краскахъ
инж. А. Е. Бѣлого.

A black and white portrait of a woman standing outdoors. She is wearing a long, light-colored, possibly white, dress with a high collar and long sleeves. She also wears a white headscarf or veil. Her hair is dark and styled up. She is looking slightly to the left of the camera. The background is dark and appears to be a cloudy sky. The overall tone is somber due to the monochrome palette.

A black and white portrait of a woman, likely a nun or a person in a religious or institutional uniform. She is wearing a white headscarf or veil that covers her hair and frames her face. Her dress is dark with long sleeves and a white apron or front panel. She is holding a dark cane or walking stick with both hands in front of her. The background is a plain, light-colored wall.

ПЕТРОГРАДЪ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Среди присутствующих: министр путей сообщения С. В. Рухадзе с супругой Е. Е. Рухадзе, Н. И. Тугай-Барановский, Старова, сестры: Н. А. Александровская; сестры: М. А. Латоро, Е. А. Никольская, П. И. Давыдова, О. А. Сазонова, В. А. Викторова и друг.

Большинство даяв нашего общества занято сейчас работой в «Красной Крест», в разных общинах и лазаретах, шествуя на раненых людях; ряд барских квартир отведен под лазареты, многие берут раненых на дом.

Мы будем печатать серию портретов и групп работающих, помещать снимки этих барских особнячков и т. д.

А. А. Чаплина,
рожд. Фомъ-
Галлеръ, жена
бывш. Товар.
Мин. Юстиціи,
нынѣ сенатора.

Среди присутствующих: А. Б. Сазонова, граф Н. Ф. Карлова, граф М. А. Мусина-Пушкина, князь М. К. Трубецкой, М. I. Аршинович с дочерью, Е. Е. Фальк-дер-Фальк, баронесса Е. М. фон-дер-Пален, М. П. Коростович, З. Н. Веретинникова и друг.

Елиза. Федер. Домидова, рожд. Тренова, жено Валынскаго Губернскаго Предводителя дворянства, работаетъ въ организаціи Крестнаго Креста.

Мар. Сер. Филатова, росс.
Тимирязь, убила сестрой милосердія на войну.

Наяг, Суз. Карл. Блосель-
ская-Блосерская, рожд.
Виттеръ,
(она же из группы).

Открытие данскаго лазарета для раненныхъ воиновъ у Спаса на водахъ.

Въ числе присутствующих: кн. Н. Н. Гагарин, кнж. Т. М. Гагарина, графиня С. А. Ферзен, граф М. М. Орлов-Давыдов, кнж. С. К. Благосенская-Благозерская и друг.

Елиза. Федор. Демидова, рожд. Тре-
 тькова, жена Волынского Губернского
 Предводителя дворянства, работавшая в
 организации Красного Креста.

Мар. Сер. Филатова, рожд.
 Тимирязь, убавила сестрой ми-
 лосердия на войну.

Князь. Суз. Карл. Блюссель-
 ская-Блюзерная, рожд.
 Виттберг.
 (она же из группы).

Открытие дамского лазарета для
 раненыхъ воиновъ у Спаса на
 водахъ.
 Въ числѣ присутствующихъ: кн.
 Н. Н. Ггаринъ, князь Т. М. Гага-
 рина, графиня С. А. Ферзенъ, граф.
 М. М. Орловъ-Давыдовъ, князь С. Б.
 Блюссельскій-Блюзерскій и друг.

Прошло еще четыре года. В жаркий июльский вечер, в куче дровишек на задний путь ягона, вдалеке от муженьского сна, при свѣтѣ двухъ толстыхъ свѣчей, я писала „соображенія“ о томъ, сколько прожитая жизнь войска могутъ извлечь изъ Гириньской и изъ Мукденской провинцій. Надо было изсчитывать длинные ряды весьма приблизительныхъ цифръ. Вдругъ и почувствовалъ дуновение холодного вѣтра и увидѣлъ желтоватое облако въ темномъ углу кучи. Холодъ пробѣжалъ у меня по спинѣ и въ облакъ я

увидѣлъ лишь Веронику, бѣдную, похлѣбавшее, но съ прежними глубокими глазами, волнистыми волосами и прищипками. Я бросился къ облаку и оно исчезло. Дрожащими руками я сталъ искать въ чемоданѣ браслетъ, который былъ посылку со мною. Когда я развернулъ его и поднесъ къ свѣчу, раковины были совсѣмъ черныя и изъ нихъ выхлѣбывалъ матовый желтоватый свѣтъ...

Сергей Орловской.

ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Все теперь изложено исключительно войной, даже модные журналы состоятъ картинны войны, а не послѣднихъ молодыхъ!

— Нѣтъ, вѣроятно уже вошли въ нормальную колею, и если вы посмотрите послѣднее номеръ ихъ „модный“ или икакто-нибудь „Fashionable“ по почти не увидите войны...

— Издала совсѣмъ забывать литературу, искусство или художество, но въ кѣмъ моменты истории, это, однако, война, пройдетъ, а это останется...

— И забытые, какъ успокаивающее действуетъ такой „модный“, какую онъ даетъ уверенность—берешь его въ руки и сразу чувствуешь, что Англия остается той же могущественной Англіей, являю же забыть изъ колѣнъ ее жизни, никакие Византизм...

Объясни. Пріятельское путан.

— „Пасхое утѣшеніе узнать во время скарлатанного облака, что доживъ за то совершенно безупречно въ смыслѣ нравственности“...

— „Это не была острота... это вы у кого-то вычитали... Потъ я припомню у кого! Всегда слышу чужую книгу испоминать, что она отпечатана не въ одномъ только экземпляръ“...

Селадисъ.

— „Что вы дѣлаете? Какой укасъ вы вкобтала бутылку злы, все муть поднимаетъ“...

— „Я дѣйствительно вкобтала вечно злы“

— отъѣхавъ тотъ, кто невольно повернулъ бутылку съ злымъ—

„согласенъ, что это преступленіе, но вы поступаете хуже: вы лифаете и подчёркиваете чужую невольность... Вы вообще постоянно вкобтываете муть жизни.“

Этой авшъ вѣчный самоанализъ, концы въ души и своей, и чужой, исканіе первопринципа и первоисточника, ужасно это сплосное вкобтываніе муть жизни! Если злы портится отъ того, что его богатство, то какъ портится жизнь отъ подыманія со дна вской скверны... У жизни тоже нужно савать только веревку, не загладывать погусту глубоко—такъ муть“...

Священные воды и ибисы въ Акасахъ въ Японіи.

(Фотографіе изъ послѣднего № „Ladies Field“).

Выставка хризантемъ въ Токио.

Она бываетъ каждый годъ въ ноябрѣ, открывается и въ этомъ году. Фотографіе изъ послѣднего № „Ladies Field“).

Застава Н. Савинова из
издательского сборника Импе-
раторского Ветеринарного О-ва.

Застава из издательского
сборника Императорского Ветери-
нарного О-ва.

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО ВЪ СТАРИНУ.

Начало приваиваемаго русскаго коннозаводства положено Петромъ Великимъ. До него задача отечественныхъ заводчиковъ сводилась къ доставленію Двору и войску верховныхъ лошадей, для усовершенствованія же ихъ не предпринималось почти ничто.

Къ 1712 году относится Указъ Императора Провидѣтельствуемому Солнцу, съ предписаніемъ учредить первые казенные конские заводы въ Юзвской, Анжской и Киевской губерніяхъ. Указъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; тѣмъ не менѣе, нельзя не видѣть его серьезнаго значенія. Здѣсь впервые получалъ высокую санкцію Государя авторитета идея государственнаго коннозаводства, давшая впоследствии блестящіе результаты: указъ осудилъ заводчиковъ и выдвинулъ мысль о конскихъ заводахъ общегосударственнаго значенія.

Заводы Петра Великаго, о развитіи русскаго коннозаводства выразившіе въ цѣломъ рядъ мѣропріятій. Для выработки тяжелой рабочей породы былъ основанъ въ Воронежской губерніи специальный заводъ.

Отсюда зрѣли превосходшіи бѣгущая порода. Кромя того, по повелѣнію Петра, было вывезено въ губерніи Вятскую и Пермскую, для изученія мѣстныхъ породъ, много ливонскихъ, каспійскихъ, ливонскихъ породъ, много ливонскихъ породъ. Такъ образовалась порода обывковъ.

Далѣе, въ 1720 году, Петръ Великій повелѣлъ завести въ Астрахань заводъ для скрещиванія персидскихъ жеребцовъ съ мѣстными черкасскими матками.

Наконецъ, Петръ отменилъ взиманіе конской пошлны въ Москвѣ и городахъ съ провинціалъ, торговцевъ иностранцевъ, чтобы также путемъ усилія въвоза лошадей крупнѣе, гореніи-скихъ породъ и дать толчокъ къ усовершенствованію лошадей отечественной.

Изъ преемниковъ Петра Великаго съ особой энергіей продолжалъ его начинанія Императрица Анна Іоанновна. При ней государственные заводы продолжали развиваться, и для нихъ приобретались лошади различныхъ европейскихъ породъ. Къ срединѣ

XVIII вѣка въ 18 казенныхъ заводахъ, изъ которыхъ десять были открыты вновь при Аннѣ Іоанновнѣ, числилось 4.417 лошадей: изъ нихъ, было 300 принадлежали къ русскимъ породамъ.

Не менѣе интереснаго коннозаводства Императрица Елизавета Петровна, которая выкала во всѣ распоряженія руково-
дителей коннозаводства. Елизавета Петровна издала указъ о выпискѣ англійскихъ жеребцовъ, «кое по климату за нихъ-способнѣе принимаются». Императрица приказала большое количество казенныхъ, такъ и казенныхъ заводахъ, привозившихъ, по ея почину, служить разсадниками породныхъ производителей, путемъ свободной продажи лишннихъ лошадей частнымъ заводчикамъ. Чтобы возбудить дѣятельность въ конномъ заводствѣ и развѣдывъ лошадей, послуживъ для службы въ конномъ, Елизавета Петровна особымъ указомъ запретила пѣлей роль казенныхъ ремонтныхъ заводчиковъ и приказала назначить высокую расценку для ремонтныхъ лошадей, предлагаемыхъ помышленіемъ. Эти мѣры привели къ росту частнаго коннозаводства.

Во время австрийца на престолѣ Екатерины Великой Россія распала на уже обширныя конскія матеріалы и больше или менѣе организованныя коннозаводства. На государственные заводы отпущено было изъ казны болѣе миллиона рублей; въ свою очередь, число частныхъ заводчиковъ, послѣ основательной передачи въ ихъ руки канцлерскаго ремонта, возросло до 250, и развитіе частнаго коннозаводства въ дѣйствительности продолжалось уже безъ всякой помощи казны, подъ вліяніемъ облагоустроенія дворянства и нарожденія вѣдомости родовъ съ колоссальными состояніями. Виртутенные роды вливали развѣдываніе скотовъ. Подосада, вѣдомости и техническая сѣбѣ-
ная покорила до вѣдѣстности степени широкого развѣдыванія, мѣрой крупной суммъ на заводы и всѣхъ заводчиковъ.

Однако, въ то время для подбора заводскаго матеріала руко-
водились исключительно его экстерьеромъ. Испытаній лошадей еще не существовало.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Редакторъ-издатель Вл. Крымовъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПООЩРЕНІЯ РЫСИСТАГО КОННОЗАВОДСТВА.

БУДУТЬ:

Б Ъ Г А.

НОВАБРЬ: 9 (пр. на с. 15.143 руб. въ т. ч. «въ память гр. А. Г. ШЕРЕМЕТЕВОЙ»); **11** (доб.), **14** (пр. на с. 21.951 руб. въ т. ч. «въ память исполнимаго въ 1886 г. 25-лѣтняго юбилея Общества»); **16** (пр. на с. 20.330 руб. въ т. ч. «въ пам. Свѣта. Кн. В. Д. ГОЛИЦЫНА»); **18** (доб.), **20, 23** (пр. на с. 21.985 руб. въ т. ч. «въ память бар. Е. Ѳ. МЕНЕНДОРФА»); **25** (доб.), **27, 30** (пр. на с. 22.279 руб. въ т. ч. «въ память П. А. ДУБОВИЧЕВА»).

НАЧАЛО БЪГОВЪ: въ праздничные дни въ 1 часъ, въ будніе дни въ 2 часа дня.